

П. В. Никольский

**Церковная и общественная
жизнь**

1905 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П11

П11 **П. В. Никольский**
Церковная и общественная жизнь: 1905 год / П. В. Никольский – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 88 с.

ISBN 978-5-458-56443-4

ISBN 978-5-458-56443-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

то, которое бойкіе публицисты хотять вывести на путь коренныхъ реформъ?

При чтеніи распространенныхъ газетъ выносишь впечатлѣніе, что настоящее движеніе -- радостное событіе, начало свободной общественной самодѣятельности, ведущее къ уравненію всего населенія предъ закономъ. Когда эти мысли ежедневно расходятся въ сотняхъ тысячъ газетъ, выкрикиваются на улицахъ, площадяхъ и народныхъ собраніяхъ, то легко принять ихъ за голосъ народа, легко поддаться ихъ гипнозу и безъ критики стать ихъ приверженцемъ. Свободная общественная жизнь — чего же лучше? Пусть каждый куетъ свое счастье, не боясь стѣсненій, и всѣ работаютъ на благо общее.

Отчего же это упоеніе надеждами на общественную самодѣятельность далеко не всѣми раздѣляется? Отчего весьма многіе ревнители народнаго блага съ сомнѣніемъ и страхомъ смотрятъ на результаты этого движенія и думаютъ, что родина переживаетъ не обновленіе, а болѣзненный кризисъ? Причинъ для этого очень много. Но главная изъ нихъ въ сознаніи неизбѣжности узкой, партійной борьбы новаго съ старымъ, неизбѣжности фанатическаго преслѣдованія того, что освящено вѣками, что срослось съ народнымъ сознаніемъ. Благомыслящіе люди не безъ основанія думаютъ, что глашатаи свободы посягнуть не на однихъ притѣснителей народа, а и на его истинныхъ радѣтелей, посягнуть на его вѣрованія, на церковныя учрежденія и могутъ подорвать благосостояніе церкви. Повидимому, православныя христіанскія убѣжденія должны найти въ глашатаяхъ права и законности горячихъ защитниковъ. Но печальная дѣйствительность разрушаетъ теоретическое предположеніе. Борьба за свободу почти всегда идетъ объ руку съ враждою къ Церкви. Церковь представляется учрежденіемъ, поощряющимъ безправіе. Глубокая и гибельная ошибка, но она давно срослась съ настроеніемъ либеральной партіи. И только этимъ признаніемъ Церкви, какъ защитницы безправія, можно объяснить ту великую пропасть, которая отдѣлила интеллигенцію отъ Церкви. Весьма многіе представители Церкви, жизнь свою отдающіе на служеніе ближнему, и общественные дѣятели, работающіе на той же нивѣ, не могутъ слова сказать другъ другу просто, безъ взаимныхъ подозрѣній и недовѣрія. Г. Тернавцевъ, на одномъ изъ религіозно-философскихъ собраній въ Петербургѣ, указалъ причину этого

раскола въ томъ, что представители Церкви забываютъ землю съ ея интересами и призываютъ только къ небу, а представители интеллигенціи зовутъ только къ землѣ и не хотятъ знать о небѣ. Мысль вѣрная, но далеко не исчерпывающая предмета. Еслибы только въ этомъ была причина разлада, то онъ исчезъ бы при обмѣнѣ мнѣній. Но бѣда въ томъ, что нѣтъ и пока не можетъ быть этого обмѣна, такъ какъ церковные дѣятели считаютъ интеллигентныхъ дѣятелей врагами Церкви и всякаго порядка, а интеллигентные дѣятели видятъ въ духовенствѣ враговъ свободы и права. И вотъ мы наблюдаемъ уже давно систематическое замалчиванье либеральной печатью всѣхъ свѣтлыхъ явленій церковной жизни и выставленіе на показъ всѣхъ ея тѣневыхъ явленій. До сихъ поръ печать находила особенно частые поводы осмѣивать и унижать церковную народную школу, изопряя остроуміе надъ ея бѣдностью и низкимъ образовательнымъ уровнемъ ея учителей. Теперь можно ожидать паденій и на другія церковныя учрежденія. Неудивительно поэтому, если церковные дѣятели со страхомъ смотрятъ на начавшееся движеніе, ожидая ломки священныя обычаевъ и установленій Церкви. Быть можетъ, вслѣдствіе этого они сами впадаютъ въ противоположную крайность, начинаютъ считать общественныхъ дѣятелей, всѣхъ безъ разбора, разрушителями, заботящимися не о благѣ общественномъ, а о личныхъ расчетахъ. Заблужденіе столь же вредное, какъ и то, какого придерживается интеллигенція относительно церковныхъ дѣятелей. Нѣтъ, среди интеллигенціи не только много честныхъ дѣятелей, готовыхъ отдать жизнь свою на благо другихъ, но не мало и религіозно-настроенныхъ. Правда, вслѣдствіе взаимнаго непониманія, эта религіозная настроенность идетъ своимъ путемъ, отличнымъ отъ церковнаго, а иногда и враждебнымъ ему. И нѣтъ надежды быстро побѣдить это недовѣріе къ Церкви и ея дѣятелямъ. Оно росло вѣками и можетъ быть уничтожено долгимъ и упорнымъ трудомъ, даже при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Теперь же мы наблюдаемъ плоды недовѣрія и признаки равнодушія и борьбы съ Церковью.

Было время, когда движеніе, происходящее на верхкахъ общественной жизни, не характеризовало народнаго настроенія. Народная масса была неспособна понять эти движенія, а тѣмъ болѣе принять въ нихъ участіе. Самое народничество было

непопулярно. И талантливый представитель народничества вѣрно отмѣтил это отношеніе интеллигенціи и народа.

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипить словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

Тогда могло казаться и многимъ казалось, что столпный шумъ и словесная война касаются лишь вершинъ придорожныхъ ивъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Но это было близорукій взглядъ. Устои народной жизни съ большимъ трудомъ поддаются воздѣйствию постороннихъ силъ. Но если это воздѣйствіе продолжается систематически много лѣтъ, если во главѣ этого воздѣйствія стоятъ живые люди, то и вѣковые устои могутъ поколебаться. Еслибы въ самыхъ этихъ устояхъ все обстояло благополучно, еслибы народная масса была поставлена въ простыя отношенія, полныя взаимнаго довѣрія къ своимъ прямымъ и призваннымъ руководителямъ — пастырямъ церковнымъ, тогда не страшны были бы никакія стороннія воздѣйствія. Но такъ какъ наше пастырство стоитъ въ унижительной зависимости отъ способа своего обезпеченія, такъ какъ искони великое мнѣшество священниковъ дѣлается пастырями «не для Іисуса, а для хлѣба куса», то неудивительно, что стороннія, иногда подпольныя, воздѣйствія начинаютъ приносить Церкви горькіе плоды. Къ сожалѣнію, школа народная до сихъ поръ служила проводникомъ этого воздѣйствія. Мы не думаемъ винить въ этомъ ея представителей, и чтобы не было неясности въ нашей рѣчи — скажемъ, что этимъ проводникомъ была и школа земская и школа церковно-приходская. Пусть онѣ обѣ исправно преподавали законъ Божій и ихъ учителя чужды были мысли объ анти-церковной дѣятельности. Въ народной школѣ гораздо важнѣе другое. Школа разрушаетъ народные устои, если отдѣляетъ грамотную часть народа отъ неграмотной, если образуетъ своеобразную сельскую интеллигенцію, для которой идеалъ не земледѣльческій трудъ, а фабрика, городъ, желѣзнодорожная станція. Все это вѣрныя

средства отучить самую жизнь простого человека от храма, от потребности пойти на исповѣдь къ своему батюшкѣ, от того благочестиваго вѣшняго уклада жизни, къ какому искони привыкла русская деревня. Кое-какія поверхностныя знанія, полученныя въ школѣ, большею частію скоро испаряются изъ памяти. Но часто остается на всю жизнь сознаніе своего умственного превосходства надъ необразованной деревенщиной. Отсюда грубый критицизмъ ко всему, не сдерживаемый умственной дисциплиной. Отсюда довѣріе ко всякому критицизму, идущему со стороны. И никто уже теперь не скажетъ, что все это только налетъ, что все это скоро пройдетъ. Нѣтъ, очевидно, это глубокое измѣненіе въ настроеніи народа, не всеобщее, конечно, но весьма прочно привившееся къ части населенія. При дружныхъ совмѣстныхъ успѣхахъ общественныхъ и церковныхъ дѣятелей можно было бы снова ввести народное настроеніе къ привычному, исторически сложившемуся укладу. Но, при указанной выше разницѣ между этими дѣятелями, такая задача представляется почти недостижимой. Церковнымъ дѣятелямъ, поэтому, придется признать совершившійся фактъ и соотвѣтственно этому организовать свою работу. На зародившійся критицизмъ по отношенію къ ученію церкви они должны пойти съ убѣжденнымъ словомъ вѣры, которое служить разсудочнымъ выраженіемъ благочестиваго настроенія и жизни.

Задача осложняется еще болѣе оттого, что населеніе, раньше прочно сидѣвшее въ своихъ ячейкахъ-приходахъ, теперь расплывается, растекается въ разныя стороны и нѣтъ надежды собрать его. Гдѣ приходъ въ городѣ? Есть-ли церковный приходъ въ селѣ, занимающемся отхожими промыслами? Мы читаемъ отчеты о нстербургскихъ собраніяхъ, разсуждающихъ о приходѣ, и узнаемъ, что авторитетные дѣтели — профессоръ-канонистъ, профессоръ-пасторологъ и специалистъ по исторіи прихода — никакъ не могутъ рѣшить, что нужно называть приходомъ. Это неудивительно, потому что прежде, исторически сложившееся понятіе о приходѣ, обнимающее всѣ его религіозныя, нравственныя и экономическія нужды, теперь устарѣло. Прихода въ городѣ нѣтъ, исчезаетъ онъ и во многихъ селахъ. И только дружная, совмѣстная работа всѣхъ священниковъ даннаго города или мѣстечка можетъ охватить и направить ихъ религіозно-нравственную жизнь. А теперь весьма часто приходскій священникъ видитъ своего прихожанина разъ

ь жизни, когда тотъ задумаетъ жениться и придетъ къ нему за документами.

Было бы, конечно, грубою ошибкой думать, что вся русская общественная жизнь характеризуется равнодушіемъ, а тѣмъ болѣе враждою къ Церкви. Процентъ церковныхъ отщепенцевъ до сихъ поръ незначителенъ сравнительно съ массою православнаго населенія. А это послѣднее любитъ Церковь, ея богослуженіе и ея св. подвижниковъ. Годъ тому назадъ мы были свидѣтелями сильнаго подъема этого церковнаго настроенія въ народѣ. Это было торжество открытія мощей преп. Серафима Саровскаго. Подпольная пропаганда постаралась внести смуту въ народное сознаніе, подорвать вѣру народа и въ св. подвижника и въ Церковь, намѣреваясь торжественно открыть его св. мощи. Пропаганда пачинала дѣйствовать, народъ соблазнялся распространявшимися слухами, смущались многія благочестивыя сердца. Но величественное торжество открытія св. мощей и множество поразительныхъ чудесъ разогнали это сумрачное настроеніе. Нескончаемыя толпы богомольцевъ запрудили дороги Тамбовской и Нижегородской губерніи. И до сихъ поръ еще не улеглось это движеніе, и до сихъ поръ многочисленные паломники разносятъ отъ гробницы новоявленнаго чудотворца оживленную и укрѣпленную вѣру въ святость Церкви Православной. Мы указали на памятное всѣмъ русскимъ людямъ событіе. Но въ каждой губерніи происходятъ событія, свидѣтельствующія о томъ же церковномъ настроеніи, и только непривычкою къ рекламѣ объясняется ихъ мѣстный характеръ, незнаніе о нихъ въ другихъ мѣстахъ. Охранить и усилить это святое настроеніе есть дѣло помощи Божіей; но въ то же время это есть и задача церковныхъ дѣятелей. До сихъ поръ сила этого народнаго настроенія такъ подавляла значеніе церковнаго отщепенства, что позволяла легко смотрѣть на это послѣднее. Но теперь, когда отщепенство говоритъ о себѣ все сильнѣй и сильнѣй, такой легкій взглядъ преступенъ.

Отказъ отъ Церкви для народа былъ бы гибеленъ. Народники, сѣющіе вражду къ Церкви, не дадутъ и не могутъ дать ему никакихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій. Самое Евангеліе, которое они даютъ простолюдину вмѣсто церковной книги, у нихъ обращается только въ сборникъ нравоучительныхъ изреченій. Изъ него выпадаетъ то, что сдѣлало

его вѣчной книгой. Вотъ почему простолюдинъ, отказавшійся отъ Церкви, оказывается часто съ опустошенной душой, самымъ ужаснымъ нигилистомъ—не теоретикомъ, а практикомъ, безъ святыни душевной, способнымъ на всякое преступленіе. Это вызываетъ всегда опасеніе за результаты всякаго народнаго колебанія. Въ частности, такія опасенія высказываются и теперь. Съ пробудившимся стремленіемъ къ свободѣ многіе связываютъ усилившуюся въ народѣ преступность, особенно въ области религіозной жизни. «Буквально почти дня не проходитъ, чтобы въ телеграммахъ той или другой газеты, особенно изъ числа прославляющихъ шестіе «весны», не появлялось сообщеній все въ томъ же духѣ: оскверненъ Престоль, похищены св. Дары, убиты двое, трое, даже восемь человѣкъ (т. е. при ограбленіи церкви), — устроена цѣлая бойня. Стали нападать даже на архіереевъ. И все это еще только при одномъ напоминаніи о близости «весны», о «зарѣ новой жизни», о «свѣтѣ»... Что же будетъ дальше?! Что будетъ, если, въ самомъ дѣлѣ, мы, народъ, до того обезумѣемъ, что вмѣстѣ съ газетными безумцами, завопимъ объ этой «зарѣ», объ этой «веснѣ»?! (С. Нилусъ. Москов. Вѣд.). Тотъ же авторъ въ другой статьѣ комментируетъ преступное похищеніе чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Онъ говоритъ, что интеллегенція увидѣла въ этомъ происшествіи лишь доказательство исчезновенія суевѣрій въ народѣ, почему никакая де чудесная сила и не воспрепятствовала совершенію значительнаго злодѣянія. «А народъ говоритъ, что Царица Небесная попустила быть этому за то, что виновники святотатственнаго похищенія на Ея Курскую Икону не понесли должной кары за свое дерзкое преступленіе. Оскорбилась Пречистая, что въ странѣ православной и столь Ею облагодѣтельствованной возможно стало поруганіе, и даже безнаказанное, Ея изображеній, и отняла Свою *наибольше*, замѣтте, прославленную чудотвореніями даже въ сплмкахъ икону. Неутѣшною скорбью скорбятъ сердца вѣрующихъ и содрагаются предъ этимъ грознымъ знаменіемъ, а наши законники, не понимая народнаго горя и благоговѣйнаго страха предъ совершившимся, кропаютъ въ это время новыя статьи закона, по которымъ впредъ такія оскорбляющія святѣйшее чувство народнои вѣры злодѣянія должны будутъ разсматриваться, какъ простые кражи. Такъ отозвались эти «руководители» народа

па его горе! Разномысліе поразительное и... зловѣщее для всего государства. (Моск. Вѣд. 1904, № 303, статья К. Искуль). Идя далѣе въ тѣхъ же разсужденіяхъ, многіе самыя бѣдствія войны объясняютъ религіозной и нравственной расшатанностью общества. Воздухъ, говорятъ, зараженъ всякой мерзостью, всякими миазмами, — гроза неизбежна и спасительна. Это не банальная фраза: подъ ней лежитъ искреннее убѣжденіе въ ея правдѣ. Люди разныхъ званій и положеній считаютъ настоящую войну казнью Божіей за прегрѣшенія народа. Эти мысли мы читаемъ въ «словѣ» о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), въ послании и отвѣди просвящ. Иннокентія, совершающаго свой архипастырскій подвигъ въ далекой Манчжуріи (Русск. Вѣстн. 1904, № 8), въ статьѣ Л. Тихомирова (Богосл. Вѣстн. 1904, № 10). Неудивительно, что громкій кличъ за полную свободу совѣсти, за свободу пропаганды всякой вѣры представляется многимъ за призывъ къ разрушенію Церкви. Преклоняясь предъ горячностью религіознаго чувства и ревностью по вѣрѣ, сказывающеюся въ этихъ опасеніяхъ, мы не можемъ однако согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Церковь не минутное созданіе, чтобы ее могъ разрушить напоръ многовѣрія или невѣрія. Она переживала и не такія испытанія. Быть можетъ и даже весьма вѣроятно, объявленіе свободы совѣсти повлечетъ на первыхъ порахъ къ частичнымъ безпорядкамъ, кощунственнымъ поступкамъ и открытымъ отпаденіямъ отъ нея. Это бѣдствіе Церкви, но не погибель и даже не начало гибели. Мы должны помнить исторію. А она говоритъ, что не въ первые только вѣка христіанства Церковь росла и усиливалась даже при гоненіяхъ. Наша русская церковь въ XVIII в. переживала періоды «стѣсненій». Опуская царствованія Петра I и Анны Іоанновны, припомнимъ «вѣротерпимое» царствованіе Екатерины II, освободившее магометанъ и буддистовъ отъ всякихъ стѣсненій, или религіозное теченіе въ эпоху Александра I, когда Церковь Православная была приравнена даже въ системѣ управленія къ лютеранскому исповѣданію и др. вѣрованіямъ. Въ свое время такое положеніе дѣла тоже внушало опасенія и, дѣйствительно, сопровождалось отпаденіями отъ Православія. Но зато такіа эпохи выставляли и наиболѣе убѣжденныхъ дѣятелей Православія, и видимое стѣсненіе церкви имѣло обратную сторону — внутренній ростъ церковнаго дѣла. Страш-

но производить эксперименты надъ церковною жизнью и грѣшно призывать испытанія на ни въ чемъ неповинныхъ вѣрующихъ людей. Никто и не дерзнетъ изъ членовъ Церкви на такіе опасные эксперименты, какъ ломка вѣры. Мы лишь допускаемъ фактъ, возможный при теперешнемъ настроеніи вліятельной части русскаго общества. И допуская этотъ фактъ, думаемъ, что онъ можетъ повести не къ посрамленію Церкви, а къ возрастанію и оживленію церковнаго дѣла. Жизнь подъ опекой, сознаніе, что дѣлу не угрожаетъ никакая опасность, не только успокаиваетъ, но и усыпляетъ даже убѣжденнаго дѣятеля. Сознаніе опасности заставитъ малодушныхъ уйти съ опаснаго мѣста, но воспламенитъ сильныхъ духомъ къ мужественной борьбѣ за вѣру и Церковь. Церковные дѣятели не упадутъ духомъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь, они служители той Церкви, которой Основатель обѣщаль вѣчное существованіе, предрекши ей побѣдоносную борьбу съ силами ада. Вѣра въ эту непобѣдимость Церкви, даже при слабости ея служителей, поддерживала всегда и поддержитъ тѣхъ, кто отдалъ свою жизнь на церковное служеніе. Въ то время, когда въ душу закрадывается сомнѣніе въ успѣхъ, когда малодушіе начинаетъ одолевать чувство мужества, христіанинъ найдетъ успокоеніе въ молитвѣ. «Утвержденіе на тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію».

Но въ этой борьбѣ съ антицерковнымъ движеніемъ, которая ведется уже давно и которой, быть можетъ, предстоитъ пережить особенно рѣзкую форму, есть одна сторона дѣла, неожиданно осложняющая ее. Среди отрицателей и критиковъ Церкви и ея ученія есть не одни враги, а и люди, сомнѣвающиеся тяготящіеся своимъ разладомъ съ Церковью, смущающіеся, отъ одного непониманія Церкви или отъ обрядовыхъ и дисциплинарныхъ особенностей церковной жизни. Съ такими людьми нужна не борьба, а самое снисходительное, нѣжное обхожденіе, — обхожденіе матери къ малымъ дѣтямъ. Святоотеческая письменность даетъ много примѣровъ такого обхожденія. Припомнимъ, какъ относился св. Василій Великій къ духоборцамъ. Рѣшительный противникъ аріанства духоборчества, какъ ереси, не побоявшійся угрозъ императора Валента, онъ понималъ, что среди духоборцевъ много и слабыхъ духомъ людей, которыхъ соблазняетъ не ученіе о Бо-

жествъ Св. Духа, а только непривычное слово о Богѣ-Духѣ, и онъ *уступилъ* имъ это *слово*, если знать, что они принимаютъ самое учение, т. е. вѣруютъ одинаково съ {православными. То же дѣлалъ св. Аѳанасій Великій, принимая въ Церковь полуаріанъ съ самою снисходительною предупредительностью. Это любвеобильное и мудрое снисхождение практиковалось часто въ исторіи Церкви, и, напр., наше Единовѣріе есть одно изъ выраженій такой снисходительности. Но вотъ здѣсь то и открывается источникъ того осложненія дѣла, о которомъ упомянуто выше. Члены Церкви, ревностно исповѣдующіе ея учение и слѣдующіе ея установленіямъ, часто не хотятъ знать такой снисходительности, они даже соблазняются ею. Наше Единовѣріе вызывало чувство смущенія не въ одной православной душѣ. И теперь, когда церковные дѣятели чутко прислушиваются къ запросамъ времени, то уже одно это вызываетъ порицанія въ ревнителяхъ Церкви. Припомнимъ, какъ осуждали недавно епископовъ и священниковъ за ихъ участіе въ Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ. И это несмотря на рѣшительное и открыто высказанное пресвященнымъ Сергіемъ заявленіе, что они пришли на эти собранія не для уступокъ и компромиссовъ, что они останутся при своемъ православномъ убѣжденіи. Примѣровъ такого петерпимаго отношенія къ дѣлу можно бы подыскать множество. Оно доходитъ до требованія говорить стерекотипнымъ, полудславянскимъ языкомъ о вопросахъ вѣры и не спускаться до живой рѣчи. Вотъ, для примѣра, выразительная цитата. «Къ великому прискорбію, у насъ ко всему теперь относятся лекомысленно и поверхностно. Съ глубокимъ смущеніемъ и негодованіемъ смотрятъ истинно-вѣрующіе православные люди на допущенныя уже у насъ отступленія и на непонятный въ дѣлахъ вѣры индифферентизмъ. Мы присоединяемъ лютеранъ къ православію лишь чрезъ мѣроуказаніе, а между тѣмъ ихъ церковь, какъ не имѣющая законной преемственности, должна считаться безблагодатною. Какимъ же образомъ мы признаемъ правильнымъ ихъ крещеніе, совершенное лицомъ, не имѣющимъ права совершать таинства? Впрочемъ, мы и безпоповцевъ даже не перекрещиваемъ, и такимъ образомъ, или признаемъ за таинство крещеніе, совершенное «дѣдомъ», или отрицаемъ необходимость крещенія... Опредѣленіемъ одного изъ вселенскихъ соборовъ установлено отлу-

чать отъ Церкви православныхъ, лѣчащихся и принимающихъ лѣкарства отъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Нашъ гражданскій законъ допустилъ евреевъ быть докторами и аптекарями, и, думаю, рѣдко кто изъ насъ не обращался къ доктору еврею и не покупалъ лѣкарства въ еврейской аптекѣ. И никто не позаботился ни о томъ, чтобы предостеречь, оградить насъ отъ закона, идущаго въ разрѣзъ съ нашими церковными канонами, ни о томъ, что бы снять съ насъ церковную анаѳему. И почему мы знаемъ, подъ какія анаѳемы и еще не подведены мы небреженіемъ тѣхъ, кому подобаешь стоять на стражѣ. А церковная клятва можетъ быть ничѣмъ лишь для невѣровъ, для вѣрующихъ же это страшное и не отвлеченное что либо, но вполне реальное по своей силѣ и дѣйствию обстоятельство. Мы безъ всякаго побужденія пзмѣнили отношеніе Церкви къ самоубійству и предаемъ ихъ нынѣ, вопреки древнему постановленію, церковному погребенію и даже поминаемъ на литургіи. Вопросъ, который едва ли могъ быть рѣшенъ пятью—шестью лицами, засѣдающими въ Синодѣ. Съ недоумѣніемъ и смущеніемъ видятъ православные люди наше странное отношеніе къ святѣйшему и величайшему таинству Св. Причащенія. У насъ открытый невѣръ, даже безо всякой подготовки и говнїя, приступаетъ къ Причащенію, потому что ему нужна отмѣтка, что онъ былъ у исповѣди: лицо открыто и вѣдомо для всѣхъ живущее въ прелюбодѣйной связи или даже занимающееся профессіей подобнаго рода, «ничтоже сумняся», идетъ на исповѣдь и приступаетъ къ Причащенію, возвращаясь затѣмъ отъ св. Чаши прямо къ своей жизни прежней и профессіи. Почему же дѣлается такъ? «Изъ любви. У насъ все должно истекать изъ любви», но большей части слышится отвѣтъ. Ахъ, мы такъ «изгуманничались» на современный ладъ, что совершенно утратили понятіе объ истиннохристіанской любви! Апостолъ Павелъ говоритъ, что причащающійся недостойно «судь себѣ ясть и пїеть», а мы подводимъ его подъ этотъ судъ. Нѣтъ, это попустительство, невѣріе, индифференцизмъ, небреженіе, назовите, какъ хотите, но только не христіанская любовь. Подобное говнїе не похоже ли на то, какъ дать пощечину человѣку, попросить у него по какимъ-либо соображеніямъ извиненія, съ твердымъ намѣреніемъ, едва получивъ его, сейчасъ же снова занести руку и оскорбить его дѣйствіемъ? И какой результатъ получается отъ та-